

А.Г. Бесов (МГТУ им. А.Н. Косыгина)

О ПРИЧИНАХ И ИТОГАХ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 годов

150 лет минуло со времен Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. В отечественной истории она представляется как одна из самых непопулярных страниц. С одной стороны, для этого есть основания, поскольку она закончилась унижением для великой державы Парижским мирным договором. Поэтому в отечественной историографии война рассматривалась с описательных позиций¹, с позиций поражения царского правительства, самодержавной России². С другой стороны, война в достаточной мере не представлена как явление мировой истории на переломе эпох, как противостояние европейских стран с Россией и использование ими Турции для реализации своих геополитических интересов на Балканах и Ближнем Востоке. На это обращено внимание в ряде работ современных авторов³.

Восточная война стала «сублимацией экономического интереса»⁴ западноевропейских стран и сложным явлением в достижении их военного, экономического, политического преобладания в регионе, она показала рост влияния Австрии и Пруссии. Русско-турецкие отношения при этом вышли за рамки двухсторонних. Если в 30 – 40-е гг. XIX столетия Великобритания и Франция стремились не допустить военного сближения России и Турции, то по итогам Крымской войны русско-турецкие отношения были поставлены под контроль со стороны держав Европы. Статьи Парижского договора о нейтрализации Черного моря касались как России, так и Турции. Оба государства лишились права держать военный флот в Черном море.

Со стороны России война имела другие цели – обеспечить выполнение международных договоров, сохранить стабильность в регионе и российское покровительство православных на территории Османской империи.

Цели политики России не совпадали с целями политики ряда европейских стран – политики прагматизма и экономической целесообразности, слабо связанной с дипломатическими нормами этикета старой Европы. Россия в лице ее самодержца отрицательно относилась к любым потрясениям, революционным особенно, чтла порядок. При этом ее внешняя политика внятно объяснялась европей-

ским государствам. Это отчетливо видно из сравнения двух кризисных ситуаций рубежа 40–50-х гг.

В конце 40-х гг. Европа была потрясена рядом революционных событий. Отношение Николая I, официальной России к ним было изложено в манифесте «О событиях в Западной Европе» от 14/26 марта 1848 г. И правители, и печать в европейских странах особое внимание обратили на заключительные слова документа: «С нами Бог! разумеете языцы и покоряйтесь: Яко с нами Бог!». Но его смысл был не только в угрозе, но и в призыве к миру, к сохранению порядка и общественного устройства.

Николай I писал манифест лично и не боялся на весь мир заявить, что «после благословенней долголетнего мира, запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства».

Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии и, разливаясь повсеместно с наглостию, возраставшею по мере уступчивости правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных Нам Империи Австрийской и Королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает, в безумстве своем, и Нашей, Богом Нам вверенной, России.

Но да не будет так!

По заветному примеру Православных наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, Мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя себя, будем, в неразрывном союзе с Святою Нашею Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов наших.

Мы удостоверены, что всякий Русский, всякий верноподданный Наш ответит радостно на призыв своего Государя; что древний наш возглас: за Веру, Царя и Отечество, и ныне предкажет Нам путь к победе: и тогда, в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на Него упования, мы все вместе воскликнем:

С нами Бог! разумеете языцы и покоряйтесь: Яко с нами Бог!»⁵.

Следует обратить внимание на то, что русские войска приняли участие в подавлении революционных выступлений в Австрии через год после издания приведенного выше манифеста. Поход начался после просьбы австрийского императора и выхода в России манифеста от 26/28 апреля 1849 г. «О движении армий наших для содействия императору Австрийскому на потушения мятежа в Венгрии и Трансильвании»⁶. При этом Франция заняла нейтральную позицию, Пруссия не препятствовала таким действиям, Австрия взяла на себя финансирование кампании. В английском кабинете министров высказали заинтересованность в быстром подавлении восстания. Европейские державы не препятствовали вводу войск России и Турции на территории княжеств Молдавии и Валахии для наведения порядка.

Тревогу вызвала русско-турецкая Балта-Лиманская конвенция 1849 г., согласно которой пребывание войск в княжествах определялось в 7 лет, урезались права княжеств на их автономии в пользу султана (русские войска были выведены с территории княжеств в мае 1851 г.)⁷.

Требования российских (август 1849 г.) и австрийских властей к Турции о выдаче бежавших в ходе подавления революции на ее территорию поляков и австрийцев вызвали резкое сопротивление султана, поддержанное англичанами и французами. Россия и Австрия разорвали дипломатические отношения с Турцией (были восстановлены в декабре). Султан распорядился всех не принявших ислам эмигрантов удалить из княжеств, «не причиня им бесчестия», в другие части своей империи. Англия, по существу, начала необъявленную войну в Средиземноморье, послав свою эскадру в Дарданеллы. Угроза со стороны России направить свою эскадру в Босфор, а вопрос с Проливами решить, в конечном счете, сухопутными силами вынудила английские корабли уйти. В мае 1851 г. под влиянием России был подписан союзный договор Австрии и Пруссии⁸.

Иная ситуация сложилась в международных отношениях в начале 50-х гг. Конфликт разрастался под покровом борьбы за контроль над христианскими святынями Палестины и влияние на подданных Османской империи православного и католического вероисповеданий. Турция стремилась упорядочить управление социально-экономическим развитием христианских районов империи, предотвратить национально-освободительные движения и вмешательство европейских держав под пред-

логом защиты прав своих единоверцев. Однако «влияние держав в Османской империи при всем их соперничестве было сильнее, чем возможность Порты избавиться от него, опираясь на одну из сторон»⁹.

На территории Османской империи жили христиане Константинопольской (8,5 млн. человек), Антиохийской (190 тыс.), Иерусалимской (50 тыс.), Александрийской (10 тыс.) православных и Римско-католической патриархий¹⁰. В 1849 г. Наполеон III через своего представителя потребовал от Порты, чтобы ряд из восемнадцати святынь, которые по трактату 1740 г. закреплялись за католиками и потом постепенно по решению турецких властей перешли в руки православных, были возвращены католикам. Патриарх Иерусалима Кирилл обратился к Николаю I с просьбой о защите Восточной церкви. Порта создала комиссию для решения конфликта. Были даны обещания оставить вопрос о Святых местах в положении status quo. Наряду с этим иерусалимскому патриарху было велено передать католикам ключ от главного входа в Вифлеемский храм. В сентябре 1852 г. внимание к вопросу было отвлечено тем, что Порта двинула свои войска в Черногорию. Россия и Австрия совместными дипломатическими действиями заставили Турцию остановить эту войну. Затем последовала российская миссия А.С. Меншикова в Стамбул. Турки согласились рассматривать вопрос о Святых местах без ущемления прав православных, но отказались официально признать Россию покровительницей православных на территории Оттоманской империи, подобно турецко-французскому соглашению 1740 г. Речь шла о принятии отдельного договора (конвенции), хотя за Россией право покровительства (защиты) православных было закреплено русско-турецким Кючук-Кайнарджийским договором 1774 г.

Такое решение было принято высшим Советом по реформам Порты, дабы исключить вмешательство держав во внутренние дела империи. Английская, австрийская, французская дипломатия сделала все, чтобы решение спорных вопросов между Турцией и Россией не было двусторонним, а Порта пошла на эскалацию конфликта с Россией, отстаивая право быть субъектом в системе международных отношений, а не простым исполнителем политики великих держав. В дальнейшем англичане и французы не смогли отговорить Турцию от войны с Россией, но они не хотели терять своего влияния на Балканах, Ближнем Востоке и воевали на стороне турок против России.

Цели внешней политики в период восточного кризиса 50-х годов и Крымской войны Россия объявляла в официальных, публичных документах. В манифесте от 14/26 июня 1853 г. «О движении Российских войск в Придунайские княжества» было указано, что занятие русскими войсками княжеств предпринято в качестве «залога», побуждающего Турцию «свято соблюдать неприкосновенность Православной Церкви», потому как «вопреки всех усилий наших защитить неприкосновенность прав и преимуществ Нашей Православной Церкви, многие самопроизвольные действия Порты нарушали сии права и грозили наконец совершенным ниспровержением всего увековеченного порядка, столь Православию драгоценного»¹¹.

20 октября/1 ноября 1853 г. в манифесте «О войне с Оттоманскою Портою» отмечалось, что «ожидания Наши не оправдались. Тщетно даже главные Европейские державы старались своими увещаниями поколебать закоснелое упорство Турецкого Правительства. На миролюбивые усилия Европы, на Наше долготерпение оно ответствовало объявлением войны и прокламациею, исполненной изветом против России. Наконец, приняв мятежников всех стран в ряды своих войск, Порты открыла уже военные действия на Дунае».

Цель войны с российской стороны заключалась в том, «чтобы понудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные Наши требования и на законную заботливость Нашу о защите на Востоке Православной веры, исповедуемой и народом Русским»¹².

Манифест «О прекращении войны» был издан уже другим российским императором, Александром II, 19/31 марта 1856 г., на следующий день после подписания мирного договора в Париже. К главному итогу войны было отнесено положение о том, что «будущая участь и права всех Христиан на Востоке обеспечены. Султан торжественно признает их, и вследствие сего действия справедливости, Империя Оттоманская вступает в общий союз Государств Европейских»¹³.

Следовательно, применение силы со стороны России поэтапно было связано с отстаиванием преимуществ Православной церкви, затем положений русско-турецких трактатов и защитой Православной веры. Сформулированные в манифесте итоги прекращенной войны отразили реально достигнутые цели европейских стран, и формально, как это парадоксаль-

но ни звучит, официальные цели России. Хотя она никак не предполагала, что проливы Босфор и Дарданеллы окажутся под контролем держав Европы, русскую границу в Бессарабии изменят таким образом, что Дунайская дельта целиком отойдет к Молдавии, княжества Молдавии и Валахии останутся под верховной властью султана, но русский и турецкий протекторат отменяет при условии, что автономия княжеств гарантировалась всеми державами. Завоеванные в период войны русскими войсками территории на Кавказе отойдут к Турции.

Выводы о главной причине поражения в войне, кроющейся в «техничко-экономической отсталости самодержавно-крепостнической страны в сравнении с главными капиталистическими державами Западной Европы»¹⁴, или в том, что «в ходе войны выявилась экономическая и техническая отсталость России, русская армия и флот не имели обученных резервов, испытывали острый недостаток вооружения, боеприпасов (снабжение и пополнение действующей армии в Крыму из-за отсутствия в стране железных дорог были крайне затруднены)»¹⁵, или в «неблагодарности» австрийского и прусского монархов, требуют уточнения.

Системный анализ деятельности государственных структур власти в годы войны, хода событий в России, на полях сражений и на международной арене показывает, что в Крымской войне поражение российской стороне было нанесено на политическом и дипломатическом поприще.

В применении военной силы России были свои характерные черты. Угроза применения силы преобладала собственно над ее применением. Дислокация войск, распределение мобилизованных ресурсов свидетельствуют о том, что руководство страны больше уделяло внимания возможным военным действиям в Прибалтике, Финляндии, Царстве Польском, на границе с Австрией, чем действующим войскам на Юге, включая Крым, и на Кавказе¹⁶. Государственные структуры власти, военное и морское министерства направляли главные усилия на формирование резервных, запасных частей, ополчения, различного рода припасов. На это уходили огромные материальные, финансовые, людские ресурсы общества. Уже в ходе войны начались реформы в морском и военно-сухопутном ведомствах России. В силу ряда причин (характер власти, условия функционирования армии и флота в мирное время, подготовка офицеров) в стране

не было достаточно людей, способных к принятию военно-стратегических решений и эффективному управлению войсками. Наконец, сдерживающим фактором ведения активных боевых действий Россией была угроза войны с коалицией ведущих европейских стран, включая Австрию, Пруссию. Интенсивность (но не результативность) дипломатической деятельности российской стороны во много раз превосходила военную.

Готовность Николая I вести войну с Европой было скорее эмоциональным выражением положения руководителя государства. В документах того времени неоднократно упоминались события 1812 г. как пример возможных действий. Слова русского царя «Если Европа меня к тому принудит, Я по примеру брата Александра в 1812 году, отважусь на непримиримую войну, отступлю если надо за Урал, но не положу оружия, покуда неприятельская нога будет попирает русскую землю»¹⁷ не подкреплялись конкретными действиями в применении вооруженных сил государства. Содержание переписки Николая I с И.Ф. Паскевичем, А.С. Меншиковым¹⁸, П.Д. Горчаковым о грандиозных планах, включая и господство над освобожденными от Турции славянскими народами Балкан, следует отнести к эпистолярному наследию русского императора, а не к военно-теоретическим взглядам на ведение войны.

Идеи Николая I выглядят особенно контрастно на фоне аттестаций на генералов Южной армии в 1855 г. Генерал-адъютант А.Н. Лидерс писал в сентябре указанного года военному министру и императору: «Рассмотрев со вниманием сии списки, я нахожу, что в Южной армии почти нет таких генералов, которые могли бы командовать в военное время самостоятельными отрядами»¹⁹. Сама постановка вопроса примечательна тем, что Главнокомандующий армии в период войны писал о 37 генералах своей армии, которые «могли бы командовать в военное время». В период войны основная часть российских войск не воевала, генералы ждали возможных военных действий. На Кавказе были крупные победы, несмотря на то, что англичане и французы заблаговременно «позаботились» и о вооружении, и об обучении турок.

Крымская война стала рубежным явлением в проверке военной мощи государства, которая зависит от степени реализации созданного потенциала.

В годы войны в России была проведена огромная мобилизационная работа. На службу

было принято (призвано, набрано) свыше 1 733 тыс. человек²⁰. В военно-сухопутных силах к началу 1856 г. под ружьем (за вычетом потерь) было до 2,5 млн. человек, в военноморском флоте – свыше 106,1 тыс. человек²¹. Но в действующих войсках было около трети армии, а в боевых действиях принимало участие и того меньше²².

За 1853–1855 г. тремя оружейными заводами в России было произведено 98 028 нарезных и 292 744 гладкоствольных ружей, а в арсеналах переделано 217 269 нарезных и гладкоствольных ружей. По данным артиллерийского департамента, к 1 января 1856 г. оружейными заводами было сделано 272 185 ружей, а в 1856 г. еще 90 881²³.

При этом производились ружья образца 1849 г. (пехотное солдатское, карабин) и 1852 г. (пехотное ружье). Была перекрыта потребность войск в капсюлях. Выпущено свыше 80 млн. штук, при имевшемся запасе в 62,2 млн.²⁴. Историк А.М. Зайончковский писал, что «вооружение значительной части нашей действующей пехоты кремневыми ружьями является непонятным, так как к 1 января в нашей армии было уже изготовлено 790 044 ударных ружья – число, которого с избытком хватало на снабжение всей действующей пехоты»²⁵. Объяснение этому историк видел в «традиционном направлении нашей тактики, проповедовавшей энергичное наступление и атаку холодным оружием, при содействии подготовки атаки лишь огнем артиллерии»²⁶. Кроме того, заметим, лучшими ружьями в русской армии были вооружены гвардейские и гренадерские корпуса, которые всю войну находились в большинстве своем на западных границах и охраняли столицу²⁷.

В литературе анализ технической оснащенности экспедиционного корпуса в Крыму и русской армии по показателям прицельной стрельбы нарезного (1200 шагов) и гладкоствольного ружья, как правило, заканчивается выводом о технической отсталости России. Оно проявлялось, только ружья здесь ни при чем. Ружья применяли люди.

Пресловутая прицельная дальность стрельбы на 1200 шагов была установлена для российской пехоты только в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг., хотя перевооружение армии нарезными ударными заряжающимися с дульной части винтовками было начато в 1856 г. Новая винтовка имела высокие показатели по дальности стрельбы (1 500 шагов), а прицел был установлен на 1 200 шагов. Но в 1858 г. велено было во всей пехоте (кро-

ме стрелков) иметь прицельную дальность стрельбы ружей в 600 шагов. С 1860 г. на вооружение стала поступать казачья винтовка, часть из поступающего оружия имела стальные стволы. К 1865 г. этими ружьями была вооружена вся пехота, кроме Кавказской армии (шла Кавказская война). Зачем действующей армии на войне новые ружья?

Анализ самого процесса снабжения армии в период Крымской войны позволяет сделать вывод не об отсутствии в России необходимых припасов, вооружения, а об их несвоевременной доставке в войска (о воровстве в данном случае речь не идет, хотя его масштабы за 150 лет никто предметно так и не исследовал). В процессе снабжения армии в выигрышном положении были все, кроме самой армии.

В годы войны автор одной из многочисленных записок в адрес Александра II писал, что нигде, кроме России, нет состоящих на государственной службе, не считая выборных, 105 тыс. чиновников, «нигде нет столько, и в то же время так мало централизации, как в России», при этом «постоянное стремление каждого ограждать себя от законной ответственности, требует страшного расхода, труда, бумаги, чернил и времени»²⁸.

Чиновники не только стремились оградить себя от ответственности. Они своеобразно заботились о пользах государственных. Это своеобразие прослеживается на процессе заготовки для армии различных припасов. Например, главным способом заготовки сукон, муки, круп в мирное и военное время был подрядный способ (после торгов, на современном языке – конкурсов). В период Крымской войны на его долю при заготовке муки и круп пришлось соответственно 80,1% и 81,2% из 6,8 млн. четвертей муки и 656,5 тыс. четвертей круп²⁹. С учетом того, что государственная казна выдавала деньги для подрядчиков под 6% годовых от суммы залога, наделяла их правом иметь в качестве прибыли не менее 10% от суммы стоимости заготовленных продуктов, можно оценить «тягость» для казны процесса снабжения войск. В конечном итоге довольствующие органы военного ведомства покупали припасы не по рыночной цене, а по цене, установленной подрядчиком с помощью государства. Закупки напрямую были сведены к минимуму, а государственные заказы касались немногих производителей.

Да и доставка в войска заготовленных припасов носила на себе отпечаток «организованности». Из потребных для Крымской армии 960 тыс. четвертей муки и 90 тыс. четвертей

круп было собрано около 60–70%, а для доставки было мобилизовано 7 890 повозчиков, что в два раза превышало нужное их количество³⁰. Но даже с учетом этого войска не получали положенного довольствия.

После окончания войны, в условиях резкого сокращения финансирования армии и флота, продовольственные и вещевые запасы были важным источником довольствия личного состава. В начале 60-х годов вещевые запасы оценивались в 4 млн. рублей. В 1861 и 1862 гг. из неприкосновенных запасов на текущее довольствие войск шло припасов на сумму соответственно в 728,8 и 700 тыс. рублей³¹.

И в отношении русских дорог. Безусловно, что их наличие и состояние очень важны для мобилизаций, для снабжения войск. Но, очевидно, не отсутствием шоссе и железных дорог можно объяснять то, что в течение 249 дней героической обороны Севастополя крепость не была усилена войсками и не был решен вопрос о сбросе в море 150–170-тысячного экспедиционного корпуса неприятеля.

Вопрос о необходимости государственного подхода к строительству военных дорог был поставлен в 1816 г. К.Ф. Толем в докладе на высочайшее имя «О учреждении военных дорог в России»³². Он был составлен, исходя из опыта военных компаний 1812–1815 гг. По замыслу автора, дороги должны были облегчить движение войск, транспортов («люди и лошади будут сбережены»), «содействовать внутренним коммуникациям в России». В документе отмечалось, что «приведа дороги сии в самое лучшее состояние и учредя по оным магазины и госпитали; то и необходимо определить таковые не только в военном, но и в экономическом отношении».

В военном отношении предлагалось назначить и оборудовать «единожды и навсегда» сборные пункты на границах (Ковно, Гродно, Белосток, Брест-Литовск, Владимир, Каменец-Подольский, Могилев (на Днестре), Дубоссары, Севастополь), создать поперечные дороги (Вильно – Каменец-Подольский; Санкт-Петербург – Могилев – Севастополь; Москва – Дубоссары – Севастополь). В экономическом отношении были обоснованы длина маршрутов, расположение продовольственных, фуражных магазинов, госпиталей, сделаны расчеты необходимого количества директоров (из отставных чинов) сообщений, комендантов и пр. Доклад был одобрен, но дело с дорогами осталось на прежнем уровне.

В 1833–1842 гг. К.Ф. Толь возглавлял Главное управление путей сообщения и пуб-

личных зданий, которое занимало одно из ведущих мест в государственной структуре управления. Ему были подчинены государственные и губернские дороги, огромные материальные, финансовые и людские ресурсы. Однако к началу 40-х гг. были построены шоссе: Петербург – Москва, Киев – Бровары, Динабург – Ковно, Рига – Тауроген, Москва – Нижний Новгород. Николай I в 1843 г. ставил задачу в стратегических целях провести шоссе: Белосток – Гродно, Брест – Киев, от Киева к Днестру, от Бобруйска до пересечения с Брестским шоссе, Динабург – Витебск – Смоленск, Смоленск – Орша³³. Ход строительства не соответствовал планам императора, а количество дорог – потребностям общества и обороны страны³⁴.

После Крымской войны шоссейное строительство практически не велось. Оно заметно возобновилось в Московской, Ярославской, Калужской, Петербургской губерниях лишь с учреждением земств. К середине 60-х годов в стране вместе с почтовыми дорогами в Финляндии и на Кавказе было 7,9 тыс. верст, в 1872 г. – 9,9 тыс. верст шоссе и 13,9 тыс. верст железных дорог³⁵. Шоссейные дороги стали рассматриваться как подъездные к железнодорожным. Масштабное строительство дорог в восточных районах страны было связано с железными дорогами. Причем шоссейное сообщение Европейской России с российским Дальним Востоком было завершено лишь в начале XXI столетия.

Итоги Крымской войны важны не только для того, чтобы извлекать исторические уроки. Для России это время было временем тревог и большого напряжения сил. Надо отдать должное памяти тех россиян, которые сражались, выполняли государственные задачи по мобилизации ресурсов общества в период войны. Ратные дела многих россиян, связанные с обороной Севастополя, защитой Петропавловска-Камчатского, побережья Белого и Черного морей, сражениями на Кавказе имеют право на то, чтобы жить в веках. Мы должны преодолеть наметившееся историческое беспомыслие о том времени.

Примечания

¹ См.: *Дубровин Н.Ф.* Восточная война 1853–1856 годов. СПб., 1878; *Богданович М.И.* Восточная война 1853–1856 годов. 1–4 т. СПб., 1876; *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 годов в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1–2. СПб., 1908–1913.

² *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1–2. 2-е изд. М.–Л., 1950; *Горев Л.* Война 1853–1856 годов и оборона Севастополя. М., 1955.

³ См.: *Виноградов В.Н.* Восточный вопрос и Балканы: размышления о современном этапе исследований // «Новая и новейшая история», № 6, 1989; *Шеремет В.И.* Империя в огне. М., 1994.

⁴ *Шеремет В.И.* Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996, с. 687.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXIII, отд. II, № 22 087.

⁶ Там же, № 23 200.

⁷ История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1999, с. 354.

⁸ *Шеремет В.И.* Империя в огне, с. 342.

⁹ Там же, с. 343.

¹⁰ *Зайончковский А.М.* Указ соч. Т. 1. М., 2002 (переиздание), с. 726.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVIII, отд. I, № 27 344.

¹² Там же. Т. XXXI, отд. I, № 27 628.

¹³ Там же, № 30 273.

¹⁴ *Шеремет В.И.* Империя в огне, с. 408.

¹⁵ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000, с. 180.

¹⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 412, оп. 1, д. 875, 931, 936.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 678, оп. 1, д. 451, л. 3 об.

¹⁸ Рескрипты и письма императора Николая I к князю Меншикову за время Севастопольской обороны. СПб., 1908.

¹⁹ РГВИА. Ф. 401, оп. 4, д. 58, л. 35.

²⁰ Подсчитано по: Столетие Военного министерства. СПб., 1902–1913. Т. IV, ч. II, кн. I, отд. II, с. 154, 162, 167, 174, 175, 203; т. IV, ч. III, кн. I, отд. II, с. 5–6, 10–12, 17–19, 133, 170; *Бесов А.Г.* Военная политика России в XIX веке. М., 2001, с. 163.

²¹ Военно-статистический сборник. Вып. IV. Отд. II. СПб., 1871, с. 204.

²² РГВИА. Ф. 485, оп. 1, д. 762, л. 1; *Бесов А.Г.* Указ. соч., с. 178.

²³ РГВИА. Ф. 504, оп. 7, д. 264, л. 69–72.

²⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XIX, отд. I, № 18 547.

²⁵ *Зайончковский А.М.* Указ. соч., с. 428.

²⁶ Там же, с. 429.

²⁷ РГВИА. Ф. 412, оп. 1, д. 875, 936.

²⁸ ГАРФ. Ф. 678, оп. 1, д. 603, л. 8.

²⁹ *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973, с. 461.

³⁰ Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880). Т. 1–6. Т. II. СПб., 1879, с. 97.

³¹ РГВИА. Ф. 401, оп. 5, д. 422, л. 12 об.

³² Там же, д. 14.

³³ Там же. Ф. 413, оп. 1, д. 46, л. 4 об.

³⁴ Там же. Ф. 414, оп. 1, д. 164, 166, 168, 170–175; ф. 422, оп. 1, д. 5, 14, 26, 30, 1532.

³⁵ Военно-статистический сборник, с. 438.